

„Omnis auctoritas cacas est“

Назад в Германию. Еще одним замечательным немцем, который приобнажил передо мной замысловатые лабиринты своего духовного содержания, был наш сосед по лестничной площадке Фриц Мюллер. Съёмные квартиры наши разделяла капитальная стена, не настолько толстая, однако, чтобы заглушить благородные звуки классической музыки, сочившиеся по вечерам из мюллеровских апартаментов. Особенно хорошо проникали сквозь кирпичи фанфары вагнеровских симфоний. Это вызывало у нас априорное уважение к Мюллеру: сосед был культурным человеком. Кроме того, балконы наши почти соприкасались, поэтому мы систематически "гутенморгались" и дружно проклинали голубей, которые с равным азартом обгаживали наши прекрасные петунии. Достаточно продолжительно – месяца два-три – присмотревшись к нам со стороны своего балкона и, очевидно, сделав вывод о нашей безобидности, Мюллер однажды, в субботу утром, шуганув с балкона очередного голубя, пригласил меня заглянуть к нему вечером на бутылочку пива или глоток хорошего вина. Такого рода приглашения со стороны экономных, осторожных и не слишком общительных немцев дорогого стоят, и я, конечно же, пошел к нему в гости, прихватив со своей стороны обязательную для каждого русского гостя бутылку водки "Русский стандарт". На бутылку Мюллер покосился с опаской, заявил, что пьет вообще-то только вино и пиво, но градус доброжелательности с его стороны, похоже, резко повысился при виде меня с литровой бутылкой в руке.

Прежде всего мне бросились в глаза многочисленные механические игрушки, расставленные повсюду и двигающиеся самыми замысловатыми способами: вращаясь, качаясь и вибрируя. Оказывается, Мюллер коллекционировал модели "вечных двигателей". Наше с ним общение началось с того, что он, хитро подмигивая, потребовал от меня согласиться, что вечный двигатель возможен, и вот, мол, многочисленные доказательства тому. По мере того, как я раскрывал скрытый секрет каждой модели и раз за разом развенчивал идею вечного двигателя, Мюллер расплывался в улыбке все больше, так что за стол мы уселись уже друзьями.

– Молодец, русский физик, – похвалил он меня, – я ведь тоже физик по образованию, закончил Карлсруйский университет, но работаю много лет в сфере статистики. Ну, за знакомство предлагаю тебе выпить нашего, рейнского

красного вина сорта "Дорнфельдер". Французские красные вина считаются лучше, но я люблю местные, немецкие. Prost!

Мы выпили, и разговор покатился вперед, разгоняясь тематически и созревая содержанием.

– У вас, русских, мощнейшая школа физики! – похвалил меня Мюллер, желая польстить...

– Вообще-то я немец, – неуверенно возразил я ему. Но Мюллер тут же замахал на меня обеими руками:

– Раз ты оттуда, из России, значит ты русский. Все вы, которые с русским языком в голове – все вы русские! Можешь мне поверить, я за вами давно уже наблюдаю, ведь ваших полно тут – из Сибири, из Казахстана: одна русская речь повсюду. И все кричат, что они немцы, дескать, а кричат-то по-русски, потому что немецкого языка уже не знают, забыли. Поэтому на самом деле все вы – русские! Но я вас люблю. Вы жизнерадостные и очень доброжелательные, наивные как дети, со всеми дружить хотите: вы хорошие люди!... И зачем вы только сюда, в Германию, приперлись все? Жили бы себе дальше в России: там такие просторы, столько земли, воздуха... Хотя понять вас можно: трудно жить там где нет демократии...

В этом месте его речи, уже разогретый немного вином, я перебил оратора и заявил ему, что современная демократия – это большой спектакль с заученными ролями и назначенными за деньги актерами, и никакие демократии двигать вперед человечество не способны, а в истории главную роль всегда играли и будут играть личности национальных лидеров, действующих в интересах собственных стран.

Мюллер со мной не согласился, но аргументировал оригинально:

– Демократия хороша тем, что создает у народа иллюзию собственного участия в управлении государством. И эта иллюзия необходима стране еще больше, чем религия. При демократии за всё дерьмо, которое вытворяют власти, ответственность как бы перегружается на нацию, на народ, эту власть добровольно избравший, и это снижает риск революций. А революция – это настоящая беда для любой страны. Так что демократия – это все-таки хорошо. И в современном мире не демократия губит нас, и даже не национальные власти затягивают удавки на народных шеях – что они, безусловно, делают, тут

спору нет – , но мировая финансовая банда в целом – спрут с тысячью щупалец – душит все человечество разом.

"Ай да Мюллер, – внутренне восхитился я, – ай да молодец: вот что значат системные мозги физика!". Но вслух произнес другое:

– А ты не заметил, Фриц, что у спрута этого есть имя – USA? А ты не заметил, Фриц, что удавка этого спрута особенно прочно лежит на немецком горле, и 240 американских военных баз на территории Германии под видом НАТО эту удавку сторожат, чтобы в любой миг ее затянуть, когда понадобится? Ты не замечаешь, Фриц, что Германия – оккупированная страна? Русские покинули ГДР, а американцы – шишь, они остались. Зачем они тут?

– Ты во многом прав, конечно. Но тут все очень сложно. Немцы благодарны Штатам за план Маршалла: на тех кредитах мы быстро поднялись из руин после войны, расцвели и стали первой экономикой в Европе и третьей в мире. Опять же: наличие американских баз обеспечило безопасность Германии без необходимости содержать собственную армию. Это высвободило нам огромные ресурсы для экономического процветания. Поэтому народу живется сыто и спокойно: немецкие пенсионеры, например, самые богатые пенсионеры в мире.

– А какую безопасность Германии с помощью американских баз ты имеешь в виду? От кого? От французов или англичан? Или от русских? Так русские никогда и не нападали на Германию, они только оборонялись вечно. На черта им Германия сдалась – им свою территорию дай Бог обустроить, которая шестую часть земного шара занимает. Так зачем тогда американские базы вам нужны? Зачем вы их терпите? Теперь, когда русские ушли из ГДР, и позволили вам объединить Германию вопреки протестам англосаксов, между прочим; теперь, когда русские накачивают Германию дешевым газом и страстно желают с ней торговать; теперь, когда Германия так хорошо живет, как ты говоришь, и нападать на нее никто не собирается, как я убежденно утверждаю. Почему же вы их терпите, американцев, спрашиваю я, если знаете, что они не охраняют вас, а просто сторожат, под прицелом держат?

– Под прицелом они Россию держат, а не нас, – запальчиво крикнул Мюллер, – они себя защищают этими базами! Потому что сейчас атомный век на дворе, и если случится ядерная война, то победит в ней тот, кто быстрее ударит. А через океан ракетам лететь из России в Америку дольше, чем отсюда

до Москвы. Поэтому они тут, и мы им позволяем это в благодарность за то, что они для нас сделали.

– Герр Мюллер, дорогой, неужели ты не понимаешь, что вытаскивая Германию и всю Европу из послевоенного разорения, Штаты сделали самый выгодный гешефт в своей истории. Да, они вас подняли на беспроцентных кредитах, которые вы, кстати, обязаны были вложить только в американскую экономику. Эти деньги до вас и не доходили даже, а только товары, за которые вы потом еще и платили по графику. Таким-то образом они и Советский Союз "спасали" во время войны своими "лендлизами", за которые русские зеки потом голыми руками золото мыли и тысячами гибли чтобы расплатиться. Но это ладно, международная "помощь" американцев всем известна. Мне интересно знать другое: неужели немцам не очевидно, что все американские базы в Европе – это обязательные цели для русских, это мишени, на которые ежесекундно, и в данный момент тоже, наведены русские ракеты? Через океан русские ракеты, возможно, и полетят, если война разразится, но сначала ведь они сюда ударят, и очень быстро, мгновенно. И вот эту-то ситуацию Германия называет безопасностью? Поразительно и необъяснимо.

Мюллер вскочил, обежал вокруг стола, остановил за чем-то один из своих "вечных двигателей", затем снова сел, сделал большой глоток вина и сказал:

– Русские не ударят, это невозможно. При Хрущеве, даже при Брежневеве еще могли бы, но сегодня – нет. Времена изменились. Во-первых потому что русские действительно – тут ты прав – первыми не нападают; во-вторых потому, что русские с начала девяностых годов разорили свою армию, порезали все ракеты и распродали все что можно – им воевать просто нечем; в-третьих потому, что русские с переходом к капитализму стали совсем другими, более продажными, не в обиду им будь сказано: им теперь не воевать хочется, а доллары качать. Запад с ними теперь за деньги о чем угодно договорится – какой же смысл им тогда воевать с Западом? Нет, они воевать не станут. Будут громко вопить, чтобы цену себе набить, кулаками размахивать – это возможно, но ракеты в нашу сторону они не пустят: нечем и незачем.

– Ты сам себе противоречишь, Фриц, и вопрос остается открытым: если Запад уверен, что русские не нападут, то зачем Германии американские базы, ставящие страну в полную политическую зависимость от Штатов?

– Все ты правильно говоришь, Игор, да, все правильно. Но самое главное для любого государства – это благосостояние его народа. Немецкий народ живет хорошо. Наше государство этой цели достигло. Да, ценой определенных жертв, – Мюллер прищурился: – И ведь заметь: не наши немцы уезжают за сытой жизнью в Россию, а наоборот – ваши старики едут сюда, на сладкие немецкие пироги, – с ядовитой ухмылкой съязвил он.

– Что же, получается, что суверенитет свой Германия променяла на сладкие пироги, – констатировал я, – но тогда у меня последний вопрос, господин ученый сосед: куда подевался тевтонский дух немецкого народа, тот воинственный, победоносный дух, который вдохновлял наших предков на битвё римлян дубинами по латам и посылал их за тысячу горизонтов отвоевывать гроб господень у арабов?

И тогда господин Мюллер явно обозлился: он упёр в меня обличающий перст и возопил:

– А не вы ли, русские, этот дух из нас сами и вышибли в сорок пятом? Сами вышибли, а теперь еще и глумитесь: "Где он? Где он?". Обидно...

– Ладно, ладно, не переживай, Фриц. В том что случилось в сорок пятом ты не виноват. И русские не виноваты. Не они к вам с войной пришли, они только защищались. И в какую цену им эта война со стороны Германии обошлась я знаю не понаслышке: в школьном классе, где я учился, половина отцов являлась на родительские собрания на костылях, и лет двадцать еще после войны мои одноклассники подрывались в лесах на минах. Двадцать пять миллионов убитых. У моего школьного друга родную тётю с тремя детьми заперли в белорусском сарае вместе с другими женщинами и стариками и сожгли заживо. Я не знаю ни одной советской семьи, которую не искалечила бы эта война... И вообще, Фриц, давай оставим эту горькую и страшную тему. Мы с тобой лично за эту войну, слава Богу, ответственности не несем. Давай-ка Фриц, мы лучше выпьем с тобой за то, чтобы этого никогда больше не повторилось, чтобы никогда больше не было войны. Выпьем с тобой за мир. Между континентами, между странами и между нами с тобой.

Мюллер, остыв от своей вспышки и поникнув головой, согласился: "Конечно – за мир. Нет ничего лучше мира, но"... и он печально посмотрел на опустевшую бутылку вина на столе.

– Вот для этого тоста как раз лучше всего и годится русская водка,– заявил я и с лихим хрустом свернул алюминиевую крышку "Русскому стандарту".

Соленый сухарик с трудом помог Мюллеру отдышаться после команды "до дна!" – даже несмотря на генеральную репетицию с занюхиванием. Совершив этот подвиг и преодолев ужас задыхания, счастливый оттого что выжил, Мюллер вдруг разом "поплыл":

– Война,– бормотал он,– война – это ужасно, Игор... мы так виноваты перед вами, Игор... ты знаешь, у меня есть одна мечта, Игор... Я хочу поехать в Россию, Игор... хочу снять все деньги со счета и поехать в Россию... Не знаю, успею ли я осуществить эту мечту при жизни... С твоей помощью, может быть... Я хочу поехать куда-нибудь в провинциальный город, в Смоленск или в Сталинград, или в деревню и..., – тут он затрясся в рыданиях и долго боролся с собой, пока смог говорить дальше:, – ... и я хочу стать у дороги... и... хочу каждому проходящему мимо старику, всем подряд старикам, которые могли застать войну с немцами... я хочу... я... хочу... вкладывать им в руку... каждому... по сто дойчмарок и говорить им... говорить им при этом: «Простите нас...», – и снова рыдания надолго отключили пьяного Мюллера от внятной речи. Но немцы – крепкий народ, поскольку хорошо питаются. Через несколько минут Мюллер взял себя в руки, энергетический заряд водки собрал его мышечную массу воедино, и он, слегка путаясь языком среди высококачественных зубных протезов, заявил:

– Да, ты прав: это англосаксы во всем виноваты. Это они нас в версальский мир законопатили, задушить хотели. Это они Гитлера подбили на Советский Союз напасть, и вот чем все закончилось. Это они – ты прав! – это они нас сегодня на мушке держат... и вас тоже. Это они нас целью сделали для русских ракет. И наши власти: они тоже швайнехунды – свиньи собачьи. Вся наша власть работает на американцев! "Зеленые" – эти подтирки штатовские: они атомные станции в Германии закрывают, скоро мы без собственного электричества останемся, покупать придется... на бурый уголь снова перейдем; они, сволочи, педофилию хотят узаконить и скотоложество... Давай еще раз выпьем за мир, Игор. Только сначала надо всех "зеленых" по столбам развесить. Без этого мира не будет!..

После второй дозы "Русского стандарта", которую натренированный Мюллер перенес намного легче, он начал, однако, быстро терять немецкую дикцию и перешел зачем-то на латынь:

– Omnis auctoritus cacas est! – яростно кричал он мне снова и снова.

– Что это значит? – хотел я знать.

– Это значит: "Любая власть есть дерьмо!". Это главная формула жизни моего лучшего университетского друга Курта Юнкера!.. Мы с ним в шестидесятые годы давали им прикурить, гадам... Его из университета выгнали... Omnis auctoritus cacas est! Воистину так!...

Но я уже не слушал пьяного немца. Курт Юнкер! Мюллер знает Курта Юнкера! Не сразу дошло до меня, что это никак не может быть тот самый Курт Юнкер, который оставил Петру Рылько письмо за зеркалом: тот должен быть намного старше. Но может быть, этот Мюллеров Курт – сын того Юнкера? К сожалению, добиться чего-то вразумительного от Мюллера было теперь уже бесполезно: он на все мои вопросы кричал одно и то же: "Omnis auctoritus cacas est!". Я тихонько удалился, защелкнув за собой дверь его квартиры, но глубокой ночью несколько раз еще слышал истошный вопль за стеной: "Omnis auctoritus cacas est!..".

Наутро Мюллер был хмур и насуплен. Бутылка "Русского стандарта" на столе стояла пустой. Я предложил ему опохмелиться, но он категорически отказался. Он уже выпил какой-то порошок, сказал он.

– Я вчера много болтал, Игор, – пробормотал он, – наверно много чуши натрепал. Забудь пожалуйста все, что я говорил, я был пьян. Очень тебя прошу.

– А я ничего и не помню, – соврал я, – я ведь тоже был пьян в стельку.

Мюллер просветлел и предложил мне порошок или кофе. Я отказался от того и другого и сказал, что помню от вчерашнего вечера только одно: имя Курт Юнкер, которое упоминал Мюллер. Не был ли отец этого Курта на восточном фронте, в России?

Мюллер подумал и сказал:

– Да, кажется был, в плену был.

– А кто он был по профессии?

– Вроде бы врач, но я не уверен.

– А жив ли он еще?

– Понятия не имею. А зачем тебе?

– Можешь узнать? Дело в том, что он, скорее всего, был в плену в той самой деревне, где я родился и вырос. Перед отъездом из плена он написал и спрятал за зеркалом письмо для русских и не знает, не может знать, что письмо это нашли через двадцать лет после написания. Очень романтическая история. Я очень хотел бы с ним связаться, если он жив. Я уверен: он страшно обрадуется. Ты можешь помочь? Ведь это удивительное совпадение, что именно ты знаком как раз с его сыном. Это не просто совпадение – это перст судьбы! Помоги мне с ним связаться.

– Попробую узнать через Курта. Хотя я лет пять уже с Куртом не контактировал: он где-то в Африке осел, на индуске женился. Но телефон его в Найроби у меня был где-то, если не изменился. Надо поискать. Поищу.

У немцев есть хорошие качества: они пунктуальны и держат слово. Через неделю Мюллер вручил мне адрес на юге Германии и сообщил, что старый черт Юнкер еще жив, он врач и действительно был в российском плену, а Курт-младший выращивает сахарный тростник на африканских болотах и сердечно приглашает друга Фрица в Кению. Весит он сто пятьдесят кило и не бузит больше: революционный дух шестидесятых из него вышел полностью, хипповать он давно перестал. Он теперь настоящий индус, и дети у него тоже индусы. – "Чудеса творятся по всем углам этой круглой планеты, – пошутил Мюллер, – в Баварии живет пленный немецкий папа из русской деревни, в Кении его сын-индус производит сахар, а между ними два немца, один из которых русский, пьют русскую водку в немецкой квартире. Чудны дела твои, Господи...".

Глава из книги Игоря Шенфельда "Пик коммунизма" (Москва, 2024).